

Анна Михалевская

Смерть и жизнь свечника Луция

Глава из романа «Одиссеев ковчег»

Он родился в войну и мечтал в войну умереть. Нет, не на поле боя. Он давно утратил способность испытывать пьянящую эйфорию победы. Может, с тех пор, как Македонский заколол своего друга Клита на пиру. Или когда он странствовал по диким лесам Европы от одних развалин амфитеатра к другим – и это все, что осталось от громогласной славы Римской империи. Или когда протестант собрал костер, чтобы сжечь католика, который сжег протестанта, который сжег католика, и так до глубины времен.

Или. Когда. Не имеет значения. Победы не существовало. Ты просто убивал, а потом все начиналось сначала.

Он мечтал умереть, обняв женщину, чувствуя ее теплое живое дыхание, сожалея об уходе, яростно желая остаться. Это было прекрасное чувство. Но он забыл, как оно называется.

Терять не страшно, потому что терять ему нечего. Не было даже имени. Каждый раз выбирал его сам...

Он шел по улицам приморского города – противотанковые ежи вместо людей, воздушная тревога вместо блюза, конец мирной жизни вместо начала весны.

Так происходило всегда. За столетия он хорошо выучил расклад. Первый раз его убили в Пелопонесской войне. По странной прихоти судьбы он очнулся почти сто лет спустя – чтобы прикнуться к армии Македонского. Потом – Римская империя, крестовые походы, религиозные войны. Французская революция. Завоевания Наполеона...

Его убивали, и он приходил в себя – в новое время для новой войны. Но это еще не все. В его кармане появлялись бляхи. Бог знает из какого металла, это неважно. Имело значение другое: бляхи были именными. Опыт его научил: надо найти хозяина – того, чье имя на бляхе, и отправить в дорогу.

Война виделась ему огромным разломом, куда проваливалось все живое. Но были те, кто мог спастись. Выбрать другую жизнь, другой путь, другую судьбу. Его задача нехитрая – раздать бляхи-билеты.

Вот только сам не мог выбрать другого пути. И приходилось следовать от одной войны к другой. Хоть он пытался разорвать замкнутый круг. Пытался по-разному.

Однажды думал, ему повезло.

Свечник Луций... Тогда его звали Луций.

*

Рим вырос из Греции. Но это не Греция. Рим ничего не изобретает. Он переименовывает, переделывает, упрощает и строит. Строит империю. Строит дороги, термы, акведуки, амфитеатры – он знает, он был каменщиком, он был легионером. Пару жизней он уже здесь прожил и умер. Если, конечно, это можно назвать жизнью. Да и смертью тоже.

Его зовут Луций Корнелий. Обычное имя, он хочет затеряться в толпе. Решает, что войны с него хватит, и выбирает другое ремесло: свечник. Идет в подмастерья, трудится день и ночь, берется за любую работу. Складывает динарий к динарию, прибавляет содержимое из тайников прошлых жизней – золото, оружие, вино, припрятанное в кладках домов, закопанное в заброшенных садах, затопленное в реках. Не все разворовали, что-то осталось. И Луций открывает лавку. Простые глиняные лампы – для плебса. Бронзовые масляные лампы, фонари со стенками из тонких роговых пластинок, лампы из разноцветного стекла – для патрициев. Свечи из сала и воска раскупают для северных провинций. У знати большие дворцы, работа для Луция всегда найдется.

Рядом с императорским тронном беспокойно: Клавдий убит своей женой, Нерон на престоле, он старается быть хорошим для плебса, балует низкими ценами на продовольствие, развлекает гонками на колесницах, даже приобретает к искусству – театральные постановки идут прямо на улицах. Луций вспоминает Александра. Театр, «Илиада». Ничего не изменилось. Что это? Без Гомера и подмостков не обходится ни одна война? Будь то за землю или за власть. Да, жизнь сделала из него философа. Раньше его мысли были гораздо проще. Жаль, свитки Аристотеля потерял. Теперь бы перечел по-новому.

Устанавливая светильники в домах у патрициев, Луций поневоле слышит и видит больше, чем ему хотелось бы. Нерон избавился от сводного брата Британника. Нерон дважды покушался на жизнь своей матери Агриппины. Нерон разгуливает ночами по улицам Рима и затевает расправу над обидчиками. Нерон казнит тех, кто критикует его поэтические чтения. Нерон... Нерон... Луцию неинтересны ни императоры, ни военачальники, впервые за долгое время ему интересна жизнь. Луций почти забыл о медных бляхах и почти вспомнил, как мечтал о доме, жене, сыне.

Дом у него, считай, есть. А жена...

К нему часто заглядывает Антония – дочь торговца оливковым маслом. Договориться о закупке – что да сколько. Лампы с маслом горят ровно, не чадят. Хорошая оливка ценится, и он продает масло вместе с лампадами, свечами. Выторг невелик, но когда видит Антонию, Луций забывает, как считать. Что вычитать, что складывать. Он бы согласился и плантацию купить, если б она предложила. К счастью или несчастью, Антония ничего такого не предлагает. Она всегда серьезна, спешит уйти. И он придумывает новые поводы, чтобы задержать. Это непросто, он, считай, три столетия провел на войне: там, чтобы быть с женщиной, говорить не обязательно.

Луций осмеливается подарить ей фибулу – сам декорировал ее ободком с изумрудами, добавил в сердцевину гравировку с первой буквой имени. Полное – на оборотной стороне. Если Антония откажет – закроет лавку и уедет.

Но Антония принимает подарок. И первый раз улыбается ему. Глаза зияют антрацитовой бездной. В них тайна. И в них смысл. Как в небе, как в душе. Этот взгляд заставляет его меняться, делает таким, каким он никогда не был. Кажется, Луций понемногу начинает понимать трактаты Аристотеля. Вот она перед ним – его сила, его энтелехия.

Отпустить ее? Невозможно. Антония становится его женой. У них рождается дочь Корнелия. Римлянин бы расстроился. Сын – это наследник. Продолжение жизни твоего имени, забота о твоём имуществе. Твоя гордость, твоя слава на старости лет. Но имени у него нет. Гордиться нечем. Не убийствами же в бесконечных войнах. А до старости Луций не доживет. По крайней мере, здесь, в Риме. И он рад тому, что есть сейчас. Запаху детской кожи, маленьким ручкам, обхватившим его шею, мягкому касанию темных кудрей. Корнелия, к счастью, похожа на мать, но упрямство досталось ей от отца. Интерес к манускриптам – тоже. В три года она внимательно слушает басни Эзопа и Федре – он с удовольствием читает дочери на ночь. Еще немного – и потянется к «Одиссее» и «Илиаде». Этого Луций как раз не хочет. Не надо повторений. Пусть у нее получится лучше.

Антония округлилась внешне, да и характер стал мягче. Он так боялся к ней подойти! Он просто не знал, сколько доброты и простоты охраняет эта неприступность. Жена помогает ему в лавке: общается с покупателями, ведет счета. Но Луцию кажется, что она могла бы просто находиться здесь, рядом с ним. Свет, который он продает за динарии, ничего не стоит. Настоящий свет Антония носит внутри. Именно на этот свет идут люди.

За последние три года лавка свечника Луция приобретает в Риме ненормальную популярность.

Но его девочки, Антония и Корнелия, не дают провалиться в суету. Это и хорошо, и плохо. Ему так спокойно, что он не способен думать о войне. О том, чтобы взять оружие и защищать семью, как должно мужчине. А ведь все к тому идет. Руками своих прислужников Нерон убивает Агриппину. Учитель императора, Сенека, кончает жизнь самоубийством. Нерон давно перестал следовать советам философа, зато

самому Сенеке пришлось подчиниться приказу бывшего ученика. Император срывает злость на бродягах-христианах, верующих в единого бога.

Луций не верит ни в кого. Особенно в судьбу и своих товарищей по ремеслу. Те, стремясь избавиться от конкурента, все чаще носят доносы в муниципалитет. Луций полагает, что писарь муниципалитета уже выучил его имя.

Стоит переступить порог дома – это все перестает существовать. Как и его прошлое. Как и бляхи, которые рано или поздно ведь снова появятся. И его потащит по полю войны – против воли и понимания...

Но Рим все же реален. Свечник это знает наверняка. Его мастерство – осветить каждый темный уголок. И он это делает. На форуме Романум торгуют всем. Ремесленники и крестьяне – домашней утварью и продовольствием, плебс – сплетнями, консулы, сенаторы и граждане – репутацией оратора на дебатах. Сам Нерон часто декламирует здесь стихи на поэтических состязаниях и, конечно же, берет первые места. Если оказался в толпе слушателей, надо громко аплодировать и восторженно кричать. Зритель смотрит на сцену, а люди императора ходят сквозь толпу и смотрят на зрителя. Тех, кто не выказывает почтения творчеству величайшего, уводят. Навсегда.

Сеть акведуков тянется к Риму, питая его водой и жизнью. Хватает и для терм, и для фонтанов. Двадцать один километр, девяносто один – вода бежит и к центру Рима, и к его стенам. Все подчиняется воле этого большого сильного города. Да, Рим не создает. Рим повелевает. И это у него хорошо получается. Римская империя кажется поистине безграничной. Но так не бывает. Из свитков Аристотеля он запомнил: бесконечность всегда существует в возможности, но никогда в мире твердых вещей. Наш выбор определяет границы. И ему, простому свечнику, чудится: Рим уже сделал свой выбор. Скоро они увидят его последствия.

Луцию тоже придется делать выбор. Антония стала уходить. На полдня, на день. И он не знает куда. Может, бегает к отцу, выполняет какие-то поручения. Марк до сих не в ладу с Луцием

и терпит только потому, что его дочь и дочь его дочери ни в чем не нуждаются. Но почему Антония не сказала ему, своему мужу? Или то бродяги одурманили ее баснями о человеке, умершем и, как бог, воскресшем?

Он доверяет Антонии, да, доверяет. Но все же... Первобытная ревность к чужаку, который оказался важнее его, чадит, словно плохое масло в лампаде. Горло перехватывает, Луцию нечем дышать. Он вспоминает походы с Македонским, где эта же свирепость и обида затаптывала любимых в грязь у палатки. Он думал, что навсегда покончил с уродствами войны, он думал, что ценит жизнь – свою и другого, выше всего. Но это не так.

Он прячется от Корнелии, чтобы дочь не почуяла этот чад. Чтобы не закашлялась от его смрада. А когда жена возвращается, Луций проваливается в ее свет. Он чувствует такую нежность от каждого касания прохладных пальцев, взгляда из-под быстрого взмаха ресниц, каждого их общего вдоха-выдоха, что перестает понимать, кто он. И наконец начинает жить.

Но наступает день. И Антония снова собирает корзинку, чтобы уйти в неизвестном направлении. Луцию хочется схватить ее за локоть, развернуть, и пусть ответит: к кому? И чем тот лучше? Но он лишь целует ее в щеку. Разве что чуть сильнее стискивает тонкую ладонь. С ней нельзя грубо. Луций так долго ловил этот свет... Он не выдержит, если свет погаснет. Но и сидеть на месте не может.

Он оставляет Корнелию в гинекее на попечение кормилицы, лавку на попечение подмастерья, а сам выскальзывает из дома вслед за Антонией. Улицы, площади, снова улицы. Простые домики. Украшенные фресками и мозаикой фасадные стены вилл. Мосты через Тибр. Все это переплетается и запутывается. Он теряет терпение и чувство пространства. А вот Антония ничем не выдает себя: она идет не очень быстро и не очень медленно. Обычная молодая женщина спешит по своим хозяйским делам, таких он видит каждый раз, выходя из дома.

Луций раздосадован и сбит с толку. И он не сразу замечает, что Антония останавливается около двери, стучит. Дверь приоткрывается, выглядывает чья-то голова. Что-то мелькает между

дверью и корзинкой. Антония отдает, берет? Слишком далеко, не рассмотреть.

Жена ходит из дома в дом. «Просит? – лихорадочно размышляет Луций, следуя за Антонией. – Но у нее все есть. Помогает бедным? Тогда почему тайком? И какие бедные в окруженных садами виллах?»

Выгоревший, как свечной фитиль, Луций возвращается домой. И мучается выбором. Сказать, что знает? Наказать? За что? У него ведь тоже тайны. Луций силой раздвинул пространство, поместив туда свое счастье, выбросив тайны за края. Но они никуда не делись. Сегодня он нашел в кошеле бляху. Значит, скоро война найдет его. Времени почти нет. Он не будет тратить его на расспросы.

После высушенного зноем дня Луций и Антония сидят, обнявшись, в саду. Он чувствует беспокойство жены. Фитилек дрожит, сгибается. Только бы не погас. Он не даст. Он не станет ее слушать, даже если Антония решится сказать.

– Ты добр ко мне... – произносит жена, опуская глаза, и недосказанное «но» повисает на кончике языка.

Он подхватывает ее на руки и уносит к себе. Дочь сегодня останется в гинеее с няней.

Луций бросается в антрацитовое море ее глаз, ее естества, ее дыхания и сбившихся волос. Он ничего и никогда не хочет другого видеть, знать, чувствовать. Ее такие прохладные всегда руки согреваются, обжигают прикосновениями. Запах роз, лаванды, ирисов, лилий – тягучий сладкий аромат доносится из сада, но Антония пахнет лучше. Он должен все запомнить. Чтобы унести с собой в Тартар...

Смятые простыни. У кровати догорают благовония. Ладан и мирра. Они лежат, взявшись за руки. Профиль Антонии, легкий и совершенный, как у статуи Юноны. Или у одной из весталок в старом храме. Он так и не может решить. Юнона или весталка. Весталка или Юнона.

– Я найду тебя, – вдруг говорит Антония. – Где бы ты ни был, я найду тебя.

– Меня незачем искать. Я здесь, и всегда буду рядом, – он говорит очевидное, но для Антонии, видимо, все иначе.

– Ты должен верить, – Антония с несвойственной ей резкостью хватается за плечо.

Он верит. Конечно же, он верит. Это легко – рядом с ней, на смятых простынях, пропитанных их потом.

Больше Антония не уходит. По крайней мере, Луций этого не замечает. В его кошеле появляются бляхи, чаще всего с именами покупателей. Он раздаст бляхи вместе с фонарями и лампами, свечами и лампадами.

– Хотите уехать? – прибавляет он к товару. Те не удивляются, бляху берут почти все.

Он чувствует беду и тоже порывается уехать из Рима. Но куда? До Византии далеко. Для семьи дорога непростая. Ближе неспокойно. Тем более Антония отказывается наотрез и слушать не хочет. Ничего не прекратилось, понимает Луций. Жена все так же ходит с корзинкой по домам. И он все так же не знает, к кому и зачем.

Луций ждет – со дня на день случится. И случается.

Душной ночью, когда нет спасения от жары и тяжелых мыслей, в воздухе разливается яд тревоги. Так бывало перед сражениями, которые они проиграли. Так бывало перед смертью товарищей. И перед его уходом тоже.

Он будит Антонию и, не слушая возражений, приказывает собраться. Сонную Корнелию жаль, но они должны жить. Он поднимает на ноги подмастерьев, слуг, няню и дает распоряжение: бежать из города. Снаряжает колесницу, оставляя все в лавке, прихватывает лишь ценное и легкое, что можно потом продать, – наработанная столетиями привычка, да провиант в дорогу.

Рассвет вползает в новый день вместе с запахом гари и столбами дыма. Со стороны цирка Максимус бегут люди, а за ними бежит пламя. Рим легко поддается огню – деревянные дома, узкие улочки. Пожар сжирает квартал за кварталом.

– Загорелись лавки! Всего лишь лавки! – слышит он отголоски в толпе.

А сгорит весь город.

«Подожди, – говорит он мысленно огню, подгоняя лошадей, – мы же друзья. Ты дал мне мастерство, ты познакомил меня с Антонией».

«А теперь, – шипит пожар голосом Нерона, – я возьму свою дань».

Лошади хрипят и шарахаются из стороны в сторону, грозясь перевернуть колесницу. Людской поток бурлит все сильнее – и колесница вязнет в нем.

Луций ссаживает Антонию и Корнелию и проталкивает локтями для них путь в толпе.

– Отец, – зовет Корнелия, – Луций!

Он оглядывается. Дочь хнычет и кашляет, растирая глаза до красноты. Антония поджала губы и смотрит будто сквозь толпу. Решительная, бледная, собранная.

Без корзинки, думает Луций, поворачиваясь и с трудом разнимая испуганных людей. Как же она без корзинки...

Он будто бы чувствует ее руку на своем поясе. Ухватилась, чтобы не потеряться. Молодец. Хочется оглянуться, посмотреть еще раз на них, но нет времени, надо спешить к воротам.

Когда толпа редет, и он наконец позволяет себе повернуться, жены и дочери нет. Его никто не держит за пояс. Никто не зовет. Не для кого прокладывать дорогу.

Луций возвращается, выкрикивает их имена. Но путь не вторишь, не повернешь вспять, не вскрыешь замки, вернувшись к ошибочному поступку. Он все это знает, но ищет. Сколько раз кажется – вот они, вот же, живые, мертвые. Он хватает за плечи, разворачивает чужих женщин. Они смотрят на него остекленевшими глазами или испуганными, или вообще не смотрят. Призраки. Все сплошь призраки. Его девочек нет.

Пожар сжигает одиннадцать кварталов Рима вместе с его счастливой жизнью. Лавка по странной прихоти богов остается целой – дым, гарь вместо розы и ириса, но стены целы и товар тоже. Зачем столько светильников теперь, когда его свет ушел?

Он бродит по Риму – сам как призрак. Кошель оттягивают бляхи – их все больше и больше с каждым днем. Он не додумался дать одну Антонии. Возможно, это спасло бы их.

Пожар бесчинствует неделю. Луций почти не ест и не пьет. Он живет на улицах, помогает разбирать завалы, оттаскивать трупы, внимательно осматривая каждое обгоревшее тело. Среди всего Рима он не нашел ни одного с фибулой, как у Ан-

тонии, – его первым подарком; хоть и в спешке, жена успела надеть украшение, когда бежали. И это дает слабую надежду. Пусть она не вернулась. Но вдруг Антония и Корнелия смогли спастись. Вдруг жена убежала к отцу – в его загородный дом. С бродячими христианами. Неважно, почему она это сделала. Только бы осталась жива.

Когда острая боль потери притупляется и к Луцию возвращается способность размышлять, он вспоминает слова Антонии. «Я найду тебя... Ты должен верить».

Она знала, понимает Луций. И она хотела вернуться.

На этой вере он проживает день, месяц.

Но Антония не появляется. Не смогла? Не захотела? Ее нет в живых? Навязчивые вопросы забирают все его силы. Единственное, на что Луций способен – стоять за прилавком и продавать по дешевке уцелевший товар. Как ни странно, лампы все еще пользуются спросом. Ах да, еще надо раздать бляхи. Как же он их ненавидит!

Гарь счищают, и раны обожженного города оголяются. От него мало что осталось. Нерон приказывает строить Рим заново – широкие улицы, каменные дома, парадная дверь на фасад, а не во внутренний дворик.

После пожара люди едва живы, а вот слухи себя чувствуют прекрасно. Их заносит горячим ветром в каждый уцелевший дом.

Нерон сам поджег город.

Нерон смотрел, как горел Рим, и читал стихи о падении Трои.

А теперь Нерону надо найти виновников.

Император вешает христиан и использует их как живые факелы на пирах.

Луций подкупает писаря, отдает половину уцелевших сбережений. Нет, говорит писарь, Антония в списках заключенных, повешенных и сожженных не числится.

Приезжает отец жены. И пока тот останавливает коней, пока спускается с колесницы, у Луция теплится надежда. Но стоит взглянуть в лицо, и он понимает: они в одной лодке. Погребальной лодке Харона.

Отец плачет, а потом проклинает его. Луций бы и сам себя проклял, только что от этого изменится?

– Она вернется, – говорит он в спину старику. – Она обещала.

Грядет большой заказ. Новому дворцу Нерона нужны светильники. Много светильников, лампад, свечей. Соседи-торговцы перестали с Луцием здороваться. Зато он подружился с писарем. Тот зачитывает доносы на Луция от добропорядочных граждан, и они вместе посмеиваются. Виновен в поджоге Рима. Взял силой в жены весталку, убил ее и выбросил тело в Тибр. Вяло рукоплескал императору на поэтическом конкурсе. Уверовал в единого бога и прячет христиан под кроватью. Писарь отдает доносы просто так. Он подобрел и подумывает о том, чтобы оставить службу. Недавно Луций вручил ему бляху. Значит, и этот друг скоро уйдет.

И что ему останется?

Война.

Среди Нероновых безумств Луций обрел хрупкое счастье. Наверное, он этого не заслужил. А теперь все возвращается на круги своя. Свет для него погас, сколько свечей ни зажги.

Отдавая последний светильник во дворец, Луций собирает мешок. Прячет ценности, которые он, возможно, откопает, а возможно, и нет, лет через сто. Отдает самому толковому подмастерью лавку. Вещи Антонии и Корнелии отсылает отцу.

А пока у него другое свидание. На западе Британия, на востоке Иудея – где-то война еще не закончилась, где-то не началась, но свои сражения он не пропустит.

Война – это то, что у него всегда хорошо получалось.

*

Он спустился к морю. Мужчины, женщины, дети заполнили пляж – все работали, наполняли мешки песком. Люди подбадривали друг друга. Шутили.

Они думают, что знают. Подхватив свободный мешок, он отошел в сторону, чтобы было удобнее набрать песок. Простые действия – иллюзия спасения.

Не было и дня в его оборванных жизнях, чтобы он не вспомнил Антонию. Иногда с горечью. Иногда с надеждой. Она обещала вернуться. И он идет из жизни в жизнь. Из смерти в смерть. Только ли затем, что по-другому не может? Кто ему запретит умереть –

единожды и окончательно? Никто. Он просто не может уйти, пока не увидит ее еще раз.

Мешок отправился на грузовую машину, он взялся за следующий. Еще и еще.

Мышцы болели, отвлекая от раздумий. Осталось самое главное.

Простые действия – он перестанет ждать. Перестанет ходить по замкнутому кругу. Раздаст все бляхи из кармана. А потом выберет новый путь для себя, не ожидая ни разрешения, на благо-словения, – найдет Антонию. И точка.

Песок, покрасневшиеся от работы лица, пластиковые стаканчики, горячий чай, нараставший сугроб под причалом, ой у лузі червона калина...

Они пели, он пел, слыша совсем другие голоса.

